

УДК 81'42

Языковая личность и ее бытие как объекты полипарадигмальных исследований

Владимирова Т.Е.

Московский университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена актуальной задаче полипарадигмального рассмотрения языковой личности и раскрытию дискурсивной природы ее бытия. Это позволило объединить в одном исследовательском горизонте данные лингвистики, психологии, философской онтологии как учения о бытии, культурологии и синергетики. При этом автор опирался на триадный метод, передающий идею развивающейся целостности, и, в частности, на процессуальную триаду Аристотеля, на концепцию триединства языка, способа бытия и культуры М. Хайдеггера, а также на понимание «бытия-сознания» как взаимодействия рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной составляющих (К.М. Мамардашвили, В.П. Зинченко). Особое внимание в статье фокусируется на представлениях о смысле жизни, которые составляют ценностное ядро сознания языковой личности и прообраз искомого бытия. Актуализация экзистенциальной проблематики и исследовательское внимание к сущностным основам бытия приводят к заключению, что личность также экзистенциальна, как и ее языковое бытие. При таком понимании экзистенциальная языковая личность может рассматриваться как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлениями о смысле жизни.

Ключевые слова: языковая личность, бытие, сознание, онтология, философия языка, полипарадигмальный подход, экзистенциальный поворот.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 44–48)

Language Personality and its Being as Objects of a Polyparadigmatic Approach

Vladimirova T.E.

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the actual problem of the polyparadigmatic consideration of the language personality and the disclosure of the discursive nature of its being. This made it possible to combine in one research horizon data of linguistics, psychology, philosophical ontology as a theory of being, cultural studies and synergetics. At the same time, the author relied on the triad method, transmitting the idea of developing integrity, and, in particular, on the procedural triad of Aristotle, on the concept of the trinity of language, mode of being and culture of M. Heidegger, as well as on the understanding of "being-consciousness" as a reflexive, existential interaction (existential) and spiritual components (K.M. Mamardashvili, V.P. Zinchenko). Special attention in the article focuses on ideas about the meaning of life, which constitute the value core of the consciousness of a language personality and a prototype of the desired being. The actualization of the existential problematics and the research attention to the essential foundations of being lead to the conclusion that the personality is also existential as its linguistic being. With this understanding, an existential language personality can be considered as a historically established prototype of a carrier of linguoculture with a characteristic way of being and ideas about the meaning of life.

Key words: language personality, being, consciousness, ontology, philosophy of language, polyparadigmatic approach, existential turn.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 44–48)

В предисловии к своей монографии «Homo lingualis» В.А. Маслова писала: «Исследование языка на современном этапе перегружено техническими тонкостями описания, но раскрытию сути человека это не помогает. Нужна некая интеграционная наука на базе лингвистики, которая поможет раскрытию

тайны человека – его происхождения, души, социокультурной среды, в которой он формируется» (Маслова, 2007: 6).

Принимая озабоченность замечательного ученого-лингвиста, автора целого ряда учебников, на которых выросло не одно поколение филологов, заметим, что книги и статьи, написанные

В.А. Масловой, если бы их можно было объединить в одном издании, составили бы энциклопедию русской языковой личности.

При этом перечень статей охватывал бы как общую теорию человека с позиций антропоцентрической парадигмы на материале всего спектра гуманитарных наук, так и анализ национальной языковой личности и ее бытия в пространстве культуры.

Читателя удивил бы и исследовательский диапазон автора, который включает анализ языка и культуры в их неразрывном единстве, вопросы коммуникации, онто- и филогенеза, а также концептуализации мира, самого человека и его бытия среди других и с самим собой.

В результате не только специалист: филолог, культуролог, философ, психолог, социолог и этнограф, но каждый, кто интересуется вопросами бытия человека в пространственно-временном контексте языка и культуры, должен будет признать, что автором фактически представлена та «интеграционная наука на базе лингвистики», о которой говорится во введении к «*Homo lingualis*». Ведь эта книга раскрывает сущностные основы бытия языковой личности и, следовательно, содержит ответы на множество других вопросов, которые нас волнуют.

Тем не менее, сознавая актуальность разработки интеграционного подхода к изучению человека и стремясь внести свою лепту в его дальнейшее развитие, автор настоящей статьи предпринял попытку рассмотрения языковой личности через призму ее бытия.

Целью настоящей статьи является полипарадигмальное рассмотрение языкового бытия человека, раскрытие его дискурсивной природы, а на этой основе – расширение наших представлений о языковой личности, которая приобретает экзистенциальное изменение при обращении к ее «*выразительному и говорящему бытию*» (М.М. Бахтин). Поставленная цель потребовала объединения в одном исследовательском горизонте данных лингвистики, психологии, философской онтологии как учения о бытии, культурологии и синергетики.

Методы исследования. Полипарадигмальный подход к рассмотрению языковой личности и ее бытия сделал актуальным обращение к триадному методу, известному со времен античности. Здесь мы имеем в виду 1) процессуальную триаду Аристотеля, которая позволяет раскрыть дискурсивную природу языкового бытия и его сущностные (онтологические) основания; 2) концепцию триединства языка, способа бытия и культуры М. Хайдеггера, также восходящую к аристотелевской триаде и платоновским эйдетическим идеям, и 3) понимание «бытия-сознания» как взаимодействия рефлексивной, бытийной

(экзистенциальной) и духовной составляющих (К.М. Мамардашвили, В.П. Зинченко).

Задача изучения функционально-целостной природы человека была поставлена еще в 20-е годы прошлого века в рамках «философской антропологии». Возглавивший это течение Макс Шелер писал: «Если и есть философская задача, решения которой наша эпоха требует как никогда срочно, так это задача создания философской антропологии. Я имею в виду фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека» (Шелер, 1993: 131). Подобная постановка проблемы, с одной стороны, возвращала к пониманию языка как «внутреннего органа бытия человека» (В. фон Гумбольдт), а с другой – ставила перед лингвистикой проблемы, к которым в то время она была не готова.

Действительно в течение длительного времени язык изучался как многоуровневая система, которая является базой для речевой деятельности. Благодаря четкому, формализованному аналитическому методу были выявлены и классифицированы устойчивые параметры языка и выделены его основные уровни. При этом исследования проводились в искусственно ограниченном, – двумерном, – пространстве: <язык – речь> и <мышление – речь>. Как следствие, речь рассматривалась преимущественно как механизм, обеспечивающий мыслительный процесс, что обусловило «представление о языке как системе, управляющей коммуникацией и подчиняющей себе человека» (Павлова, 2004: 398). Что же касается ведущей исследовательской парадигмы, то на этом этапе лингвисты были нацелены на изучение языка во всей его полноте.

Потребуется время, чтобы Л. Ельмслев, с именем которого связана идея разработки наиболее радикальной версии структурно-семиологической исследовательской парадигмы, признался в «Проломенах к теории языка», что «временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его *тайны*». Более того, в этой же статье автором была сформулирована новая задача науки о языке – способствовать достижению человечности и всеобщности: «Лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы — но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового культурного знания, добытого посредством языка. На этом этапе лингвистическая теория достигает той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» (Ельмслев, 1960: 381).

«Антропологический поворот» в философии, которая перешла от изучения «начал всего» к исследованию человека, вывел лингвистику за пределы анализа языка «в себе и для себя» (Ф. де Соссюр) к «человеку в языке» (Э. Бен-

венист), и в число ее объектов вошла языковая личность.

Параллельно психолингвистика отказалась от анализа речевой деятельности в пределах дихотомий <автор – текст/высказывание> и <текст/высказывание – адресат>, которые разрывали коммуникацию, и приступила к ее изучению в составе целостной триады <адресант – текст / высказывание – адресат>. А исследование содержательно-смысловой стороны речи привело к рождению прагматической лингвистики, теории коммуникации и семантики текста. Исследовательское внимание к речевому взаимодействию позволило говорить о начавшемся «коммуникативном повороте» в гуманитарных науках (Савчук, 2013).

Но «выход науки за пределы уже освоенных территорий» приводит к открытию «новой реальности», которой нужен «новый язык описания» (Фрумкина, 1995: 84). Так в лингвистику вошел новый, «функционально цельный» объект – **дискурс**.

Востребованность дискурса вполне объяснима. Включая в себя не только языковую / речевую / текстовую деятельность в ее развитии, но и «онтологическую реальность» (Г.П. Щедровицкий), дискурс раскрывает событийный контекст с присущими ему этнопсихолингвистическими и социокультурными особенностями, в которых протекает бытие языковой личности. Так, внимание к дискурсивной природе бытия языковой личности стало знаком «онтологического поворота» в гуманитарных науках.

В этой связи примечателен следующий факт. М. Фуко сравнивал дискурс с «тонкой контактирующей поверхностью, сближающей язык и реальность, смешивающей лексику и опыт» (Фуко, 1996: 49). Таким образом, дискурс фактически выполняет функцию «настройки» между языком и реальностью, словом и опытом. А в присутствии идеолога дискурс становится «не грандиозной манифестацией субъекта, который мыслит, познает и говорит, а совокупностью, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности» (Там же: 55).

А Г.П. Щедровицкий, рассматривая сложную взаимосвязь между человеком и деятельностью, сравнил ее с потоком. Согласно его пониманию, деятельность, а следовательно, и деятельность речевая, дискурсивная, представляет собой «как бы особую субстанцию, которая разворачивается по своим внутренним имманентным законам. Это поток, который передается от одного поколения к другому. Поколения рождаются и умирают, а деятельность протекает через них, и она во многом независима от своего материального биологического субстрата. И уже непонятно, человек определяет деятельность, или деятельность “штампует” определенным образом человека» (Щедровицкий, 1997: 256).

Еще более определенно мысль о взаимообусловленности дискурса и бытия выражена в дефиниции Т.А. Ван Дейка: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» (Дейк, 1998: 47).

Сравнение «языкового существования» с потоком характерно и для Б.М. Гаспарова: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта». Более того, автор смотрел на «наши отношения с языком не как на целенаправленную “работу”, совершаемую по определенным поводам, на основании определенных правил над определенными, имеющими постоянные свойства строительными элементами, но как на экзистенциальный процесс, столь же всеобъемлющий, но и столь же лишенный какой-либо твердой формы и единого направления, как сама повседневная жизнь» (Гаспаров, 1996: 9–10).

Близкий подход лежит в основе докторского исследования В.А. Курдюмова «Предикация и природа коммуникации», в котором раскрывается «экзистенциальная природа языка» и обосновывается концепция экзистенциальной лингвистики. Анализируя «идеенесущие» свойства языка и речевой деятельности, автор пришел к выводу, что языковое существование, помимо чисто лингвистических измерений, включает «экзистенциальную вертикаль». При таком понимании язык, одной стороны, выступает как «целостный динамический экзистенциальный объект», а с другой, – как «экзистенциальный поток, очерчивающий частные бытия». Поэтому язык выполняет не только регулятивную (повседневное общение) и когнитивную (познание подлинных сущностей) функции, но и экзистенциальную (обретение подлинного существования личности) (Курдюмов, 1999: 1718).

Что же касается самого понятия «языковое существование» (< япон. *гэнго-сэйкацу* ‘теория языкового существования’), то оно было введено в отечественную лингвистику известным востоковедом Н.И. Конрадом, который писал, что «язык — не только и не столько структурное образование, скорее – вид, модус существования человека в том же плане, что и “политическое”, “экономическое”, “художественное” существование» (Конрад, 1959: 7).

Особое место в изучении языкового существования занимает концепция «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили) и его

понимание как взаимодействия рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной составляющих (Зинченко, 2013: 113).

Чтобы раскрыть целостное единство «бытия-сознания» и дискурсивную природу личностного существования, обратимся к аристотелевской процессуальной триаде: <dynamis – energeia – entelecheia> (Аристотель, 2008: 232–233). Согласно Аристотелю, речевая интенция / жизнедеятельность как потенция (dynamis) и собственно речевая деятельность / жизнедеятельность (energeia) соотносятся с «состоянием осуществленности» и искомым речевым / жизнедеятельным совершенством (entelecheia) (Гайденко, 2000: 62).

Выбор данной триады мотивирован тем, что она отражает целостную природу энергийного бытия языковой личности. Потенциально возможное высказывание («бытие в возможности») становится в процессе речевой деятельности реальностью («бытием»), но, будучи соотношенным с исходным намерением и искомым совершенством (энтелехией), переосмысливается и преобразуется, порождая новую речевую интенцию («бытие в возможности») и новое высказывание («бытие») и т. д.

Таким образом, энергийное начало является главным источником проявления «воли говорящего» независимо от прочих условий коммуникации. Именно им предопределяется сама возможность дискурсивного бытия, которое развивается в постоянном соотношении с имеющимися сущностными, смысложизненными ценностными ориентирами поведения, принятия решений и, шире, способа бытия с другими.

Если же личностная оценка своего речевого поведения и, шире, бытия не совпадает с культурно обусловленными (энтелехийными) представлениями об искомом совершенстве, то создается «познавательное-этическое напряжение» (М.М. Бахтин) и возникают экзистенциальные переживания. Так, стремление к полноте личностного существования, которая необходима для духовного самосовершенствования, и поиск смысла жизни становятся частью бытия.

Такова синергетическая природа «единого континуума бытия-сознания»: прообраз возможного будущего направляет речевой замысел и представление о должном бытии, а человек при этом опирается на собственный опыт, принадлежащий прошлому. Как следствие, языковая личность испытывает на себе воздействие двух аттракторов, создающих экзистенциальную напряженность ее существования. Это, во-первых, опыт, знания, ценности и переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности, а во-вторых, – представления об искомом совершенстве, принадлежащие не только рефлексии, но в значительной степени интуиции (Владимирова, 2018: 31). Таким образом, осмысление дискурсивной природы языкового

бытия с позиций синергетики раскрывает «становящийся» характер языковой личности и ее бытия.

Что же касается энтелехийных представлений, соотносимых с эйдосами Платона и личностными установками, то они отличаются этнокультурной спецификой. Если для русской языковой личности ведущим аттрактором традиционно выступает будущее, которое «просто надо увидеть и поддержать» (С.П. Курдюмов), то для китайцев – это прошлое, на которое следует ориентироваться, а для западных европейцев это, как представляется, настоящее.

Но изучение языковой личности и ее дискурсивного бытия исходит не только из взаимосвязи лингвистики с философской онтологией. Интерес лингвистов к данной проблематике в значительной степени был подготовлен «онтологическим», а затем и «экзистенциальным поворотом» в философии и, шире, в гуманитарных науках в целом.

Так, согласно М. Хайдеггеру, именно языковая экзистенциально-онтологическая реальность раскрывает человеку самого себя, других и собственное бытие с другими. Ведь «язык есть дом бытия, в жилище которого обитает человек» (Хайдеггер, 1993: 192). Поэтому человек присваивает понимание сущности в границах унаследованного образа мира и на этом фундаменте строит личностный «способ бытия» со свойственным ему пониманием сущего и сущности. В этом, согласно М. Хайдеггеру, и заключается смысл человеческого существования в мире: «Быть-в-мире, быть открытым и обладать изначальным пониманием – это в сущности одно и то же» (Хайдеггер, 2003: 74).

Следовательно, мы можем рассматривать хайдеггеровскую триаду <язык («дом бытия») – бытие («способ бытия») – культура («хранитель бытия») как восходящую к аристотелевскому пониманию человека, его бытия и свойственных ему энтелехийных представлений (Хайдеггер, 1993: 192 и сл.).

Так, за антропологическим и коммуникативным поворотами в гуманитарных науках последовали «онтологический и экзистенциальный повороты». Но и они вынуждены были уступить дорогу глобальному «повороту к языку». Последний, как представляется, был вызван «неудовлетворенностью лингвистов механистически-бесстрастным, констатирующим и прагматически не нагруженным описанием языка в традиционной грамматике и в “чистом” структурализме, а также стремлением лингвистов приблизиться к объяснительным стратегиям исследования языка» (Сигал, 2004: 14).

Возвращаясь к языковой личности и ее бытию, подчеркнем необходимость раскрытия их сущностных (онтологических) оснований. А игнорирование дискурсивной природы бытия напоминает известную ситуацию, которая возникла при обсуждении квантовой механики. Выступая

против отказа от пространственно-временного континуума, А. Эйнштейн писал, что «такая программа смахивает на попытку дышать в безвоздушном пространстве» (Эйнштейн, 1967: 223).

Возможно, этим же объясняется повышенный интерес к когнитивной исследовательской парадигме, обращенной вглубь познавательной деятельности человека со свойственным ему отношением к «онтологической реальности». Сформировавшись в 70-х гг. прошлого века, когнитивная лингвистика активно продвигается по пути создания концептуальной картины мира, раскрывая новые грани языковой личности и ее бытия. В этой связи позволим себе отметить, что одним из самых востребованных учебных пособий является «Введение в когнитивную лингвистику» В.А. Масловой, переизданное уже в 9-й раз (Маслова, 2018).

Заключение. Предпринятое полипарадигмальное рассмотрение языковой личности и ее бытия позволило объединить в одном исследовательском горизонте лингвистику с философской онтологией, психологией, культурологией и синергетикой. А использование триадного метода способствовало раскрытию дискурсивной природы ее бытия и особой роли в нем представлений о смысле жизни, которые составляют ценностное ядро сознания языковой личности и прообраз искомого бытия.

Изучение экзистенциально-онтологической проблематики и внимание к сущностным основам личностного бытия приводят к заключению, что личность так же экзистенциальна, как и ее языковое бытие. Следовательно, **экзистенциальная языковая личность** может рассматриваться как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлениями о смысле жизни. А поскольку человек выступает не только как наследник образа мира и правил речевого поведения, сложившихся в его родной лингвокультуре. Особое место в жизнедеятельности языковой личности занимает **экзистенциальная картина бытия** как присутствующая в сознании «лента жизни», в которой получил выражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле жизни.

Литература

1. Аристотель С. Метафизика. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
3. Владимирова Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 320 с.
4. Гайденко П.П. Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы и в античности в средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 37–78.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
6. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
7. Конрад Н.И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М.: Изд-во вост. литературы, 1959. С. 5–16.
8. Курдюмов В.А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований. М., 1999 [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> (дата обращения 01.11.2017).
9. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука. 2018. 296 с.
10. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. Монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
11. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебrenникова. М.: Наука, 1988. С. 8–68.
12. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013, № 1 (10). С. 93–108.
13. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
14. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004. 404 с.
15. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
17. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
18. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность: гуманитарные аспекты. Ежегодник. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. 1993. С. 133–159.
19. Щедровицкий Г.П. Онтология и онтологическая работа. 1979. [Электронный ресурс] URL: http://docplayer.ru/44316021-Shchedrovitskiy-g-p-ontologiya-i-ontologicheskaya-rabota.html#show_full_text (дата обращения 12.08.2017).
20. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997. 656 с.
21. Эйнштейн А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 598 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.